

Д.А. Редин

**РЕВИЗИЯ И. С. АРСЕНЬЕВА:
К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ИНСТИТУТОВ
ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ**

Среди разнообразных учреждений, создаваемых в России в ходе реформирования власти в первой четверти XVIII в., особое место занимают чрезвычайные институты. В первую очередь к ним относятся комиссии, в ряду которых наиболее известны т.н. «майорские канцелярии». М.В. Бабич, первая из историков посвятившая комиссиям комплексное и системное монографическое исследование, справедливо отметила «положение комиссий как полноправных элементов присущего эпохе правительственного механизма»¹. Другим примечательным явлением из этого ряда являлся институт понудителей². В отличие от комиссий, существование понудительства как административного феномена было краткосрочно и хронологически ограничено начальным периодом т.н. «больших» реформ рубежа 1710-х – 1720-х гг. Но этим обстоятельством различия двух институтов не исчерпываются. Комиссиям в целом была свойственна большая масштабность, известная «вездесущность», их использование высшей властью практически во всех важнейших сферах государственного регулирования (М.В. Бабич выделяет шесть классификационных групп комиссий: от уже упомянутых «майорских канцелярий» до «уложенных комиссий»); значительная кадровая оснащенность, высокий ранг руководителей большинства из них и т.п. Понудительство, с первого момента своего создания, было инструментом узкой направленности, призванное, первоначально, обеспечить контроль за сбором различной отчетной документации, в потоках которой буквально захлебнулись местные власти, оказавшиеся неспособными обеспечить ее поступление в центр, что стало особенно заметно именно к отмеченному хронологическому рубежу; штат понудителей был минимален, а сами понудители назначались, как правило, из рядового и сержантского состава гвардейских полков. Институт комиссий получил мощное развитие в петровскую эпоху. Важные причины тому, по мнению М.В. Бабич, заключались в функциональной гибкости и мобильности комиссий, в их способности с минимальными материальными и кадровыми издержками заполнять лакуны в общей структуре постоянных

учреждений – коллегий и приказов, в возможности апробации по ходу их деятельности «деловых приемов» и правовой базы, пригодных для использования в дальнейшей административной практике и т.п.³ Институт понудителей, напротив, последующего развития как будто бы не получил, вероятно, в первую очередь, ввиду скромной цели его создания: «хоть как-то интенсифицировать работу оцепеневшего от перемен чиновничества» (по образному выражению Д.О. Серова) и «незамысловатой» задачи: «контролировать деятельность различных местных учреждений и заставлять (“понуждать”) их персонал скорейшим образом выполнять те или иные правительственные распоряжения»⁴.

В связи с последним будет бесполезным, на мой взгляд, ознакомиться с одним сюжетом, который, думается, показывает способность института понудительства к определенной эволюции. Сюжет этот связан с деятельностью в западной части Сибирской губернии Ивана Саввича Арсеньева. Эта деятельность оставила свои следы в нескольких архивах страны, но в специальной литературе (во всяком случае известной мне) даже не упомянута. Рассказ об одном из забытых эпизодов минувшего сам по себе интересен. Впрочем, для многих влиятельных лиц местной администрации того времени Арсеньев если и был эпизодом, то крайне неприятным.

* * *

В конце весны 1719 г., а скорее в начале лета (учитывая сроки доставки корреспонденции в то время) тобольский обер-комендант стольник С.П. Карпов, «ведавший» Сибирскую губернию вместо находившегося под следствием губернатора кн. М.П. Гагарина, получил именной указ, датированный 24 марта того же года. В указе отмечалось, что по сведениям, поданным президентами Камер- и Штатс-Колтор-коллегий, губернское руководство совершенно провалило финансовую отчетность за многие годы, отчего «в делех учинилась остановка». Карпову и «прочим управителям» следовало немедленно собрать приходо-расходные книги за 1716–1718 гг. и сдать их специальному царскому «посланному». Сроку на это давалось шесть недель или, «по последней мере», два месяца, считая от того момента, как царский уполномоченный придет в Тобольск. На основе этой первичной документации в финансовых коллегиях должны были произвести ревизию губернской бухгалтерии, составив сводные годовые ведомости. За более ранние годы, как явствовало из указа, ведомости предписывалось составить непос-

редственно в Тобольске и уже готовыми отослать в столицу: «А на протчие годы, а имянно с 710-го как губернии определились, ту ведомость послать в марте месяце 1720-го году, а которые поспеют прежде – и те присылать как поспеют и прежде». Имя «посланного» в этом указе не называлось, но определялись его полномочия: «А естли сего первого⁵ в назначенный срок не исполните, то имеет сей посланной указ всех вас и протчих... которые до сего касаются, сковать за ноги и на шею положить чепь и держать в приказе потамест, пока вышлеписанное исполнитца»⁶.

Как часто прагматичный царь из-за свойственного ему нетерпения и веры в действенную силу указа оказывался в роли романтика! Разумеется, что ни в шестинедельный, ни в двухмесячный срок приходо-расходные книги за интересовавшие его годы никто предоставлять не собирался. Как становится ясно из губернаторского указа от 12 июня 1719 г., отправленного вятскому коменданту В.К. Толстому за скрепами обер-коменданта С.П. Карпова и тобольского ландрата В.П. Грекова, искомые книги следовало послать с Вятки в Тобольск только к марту 1720 г. (к крайнему сроку, определенному для сбора и обработки *всей* (здесь и далее курсив мой. – Д. Р.) докуметации с 1710 г.!). Но в этом указе впервые прозвучало имя «посланного»: лейб-гвардии прапорщик Арсеньев⁷.

Ориентируясь на сроки, установленные царем, Арсеньев не намеревался дожидаться следующего года. Следы его активной деятельности обнаруживаются в осенней переписке с Сенатом за 1719 г., хотя, судя по всему, он мог находиться в Тобольске уже с конца лета. Поначалу, вероятно, царский посланник пытался действовать «по-хорошему», соблюдая субординацию и намереваясь получить нужную ему информацию через обер-коменданта. Если в результате этого он и получил какую-то первичную финансовую документацию, то она его совершенно не удовлетворила. Приходо-расходные книги по Тобольску, с которыми он сумел ознакомиться, были найдены невероятно запущенными, приход и расход не сходились и никакой сводной ведомости на основании зафиксированных в них цифр составить было нельзя. В середине октября 1719 г. И.С. Арсеньев предпринял попытку напрямую разобраться с теми из приказных Тобольской губернской канцелярии, которые непосредственно отвечали за счет. Взять с них объяснения и попробовать свести концы с концами отправились находящиеся в арсеньевском ведении подьячий и капрал. Однако они столкнулись с агрессивным нежеланием

«принимающей стороны» сотрудничать с ними. Подьячие губернской канцелярии всячески уклонялись от проверки, ссылаясь на запреты и угрозы обер-коменданта, который, по свидетельствам, «говорил: для чего они (арсеньевские посланцы. – Д. Р.) принуждают подписыватца без его ведома? А которые де подьячие (губернские. – Д. Р.) и подписались, и тех велю взять в застенки, а их, подьячего и капрала, велю де ударить в шею». «И по тем ево, обер-камендантским, словам видно, что он, обер-камендант, такой не порядок хочет недачею ведомости укрыть», – не без оснований резюмировал Арсеньев⁸. В ответ на карповские «продерзости» гвардеец не преминул применить данные ему чрезвычайные полномочия, тем более, что описанное столкновение было, очевидно, не первым: в доношении в Сенат от 14 октября И.С. Арсеньев уведомил, что «обор-камендант Карпов с товарищи... содержитца в канцелярии *по-прежнему* скованы за ноги и на шею положены чепи»⁹. Какое-то воздействие это возымело, ибо здесь же прапорщик доложил, что необходимые ему документы из различных воеводских канцелярий он все-таки понемногу собирает. Работа эта, однако же, оказалась не быстрой. Кроме того, посаженный под дисциплинарный арест, но не лишенный властных полномочий, обер-комендант Карпов отдавал распоряжения, которые, вроде бы были направлены на скорейшее исполнение царского указа по ревизии губернских финансов, но арсеньевской миссии не способствовали. В указе от 20 ноября 1719 г., отправленном от имени губернатора вятскому коменданту В.К. Толстому, С.П. Карпов и В.П. Греков повелевали последнему готовить прихода-расходные книги по уезду к отправке не в Тобольск, а непосредственно в Петербург. Для большого «счета» от Сибирской губернии снаряжалась целая делегация приказных в составе дьяка и 6–7 человек подьячих, предоставить которых должны были уездные приказные избы. От Вятки, в частности, в петербургскую посылку определялся подьячий средней статьи Т. Метелев, а во главе этой группы указ ставил дьяка Максима Романова, секретаря Тобольской губернской канцелярии¹⁰. Как развивалась эта история в дальнейшем – мне неизвестно. Предписание Карпова могло быть вовсе не проявлением его самоуправства, а исполнением какого-то другого указа, противоречившего поручению Арсеньева: такие ситуации были довольно типичны для административной практики петровского времени. Во всяком случае, дьяк М. Романов губернию действительно покинул: после ноября 1719 г. его имени в сибирской документации не встречается.

а секретарское место в Tobольской канцелярии с конца 1719 по 1721 г. последовательно занимали дьяк С. Пупков и старый подъячий К. Баженов¹¹. В то же время и деятельность Арсеньева этими обстоятельствами остановлена не была. Всю осень и зиму 1719 г. и начало (до ранней весны) 1720 г. гвардеец исправно посылал доношения в Сенат, в которых извещал руководство о постепенном сборе из разных мест необходимых отчетных документов, а заодно пытался выяснить дальнейшую судьбу обер-коменданта Карпова, по-прежнему сидевшего под арестом, но настойчиво требовавшего немедленного освобождения для отбытия к новому месту службы¹². По всей вероятности, за этот и последующий период И.С. Арсеньеву удалось в какой-то мере выполнить свою задачу по сбору отчетности по Tobольскому, Верхотурскому и ряду менее значимых соседних уездов вроде Пелымского, Туринского, Сургутского и Березовского, поскольку с весны 1721 г. он плотно взялся за Тюмень. Несомненно, что руководство Тюменского уезда, подобно остальным, получало уведомления гвардейского прапорщика и раньше, но реагировать на них не торопилось. Именно этим можно объяснить тот бескомпромиссный тон, в котором было выдержано письмо Арсеньева, адресованного тюменскому воеводе полковнику П. Нефедьеву от 4 мая 1721 г.¹³ Соблюдая официоз, прапорщик напоминал воеводе (на сей раз со ссылкой на указы Камер-коллегии) о необходимости предоставления финансовой документации по уезду за 1716–1718 гг., констатировал, что эти указы тюменскими властями не исполнены и на основании своих полномочий, данных именным указом, объявлял о применении санкций: «И того ради Вашему благородию предлагаю о держании Вас под караулом...». Условием освобождения оставалась доставка в Tobольск «копий за руками и против резстру» всех ведомостей, потребных Камер-коллегии, подробного письменного объяснения причин их задержки и указаний «которым зборам оных годов в книгах окладу не показано» и почему¹⁴. Уже в этом документе можно заметить определенную корректировку арсеньевской компетенции: его главной задачей по-прежнему оставался *сбор* финансовой отчетности, но при этом он, по существу, начинает не только ревизовать стекающуюся к нему информацию (что происходило и ранее), но *дознаваться* причин недобросовестного ее составления и передачи.

С полной очевидностью новые полномочия Арсеньева читаются в указе Камер-коллегии от 24 июня 1721 г., циркулярно разосланного из

Петербурга во все важнейшие центры края и полученного на Вятке 22 июля, а в Тобольске – 7 сентября того же года¹⁵. По сравнению с предыдущими, указ смещал акценты в самой задаче арсеньевской миссии: коллегию на сей раз тревожил не сам факт задержки финансовой отчетности, а «великое умаление в зборех», что удалось выявить *на основе рапортов*, присланных в Петербург из губерний и провинций (из данного пассажа видно, между прочим, что усилия Арсеньева по сбору интересующих центр сведений не пропали даром). По мнению камер-коллежского руководства, выявленное «умаление» стало следствием «несмотрения и похищения» со стороны лиц, ответственных за налоговые поступления. В связи с этим коллегия приняла решение провести широкое следствие, допросив таможенных, кабацких и «протчих зборщиков» о причинах накопления недоимок. В указе очерчивался круг вопросов, которые надлежало задать в ходе следствия: 1) не виновны ли в недоимках руководство провинций («...нет ли в тех зборех от воевод и камериров и от протчих управителей... какого помешательства?»); 2) не имелись ли случаи «безденежного» отпуска «питей и всяких кабацких припасов» провинциальным начальникам?; 3) не расхищали ли сами бурмистры и сборщики означенные припасы? Без сомнения, следствие направлялось на выявление «похитителей государевой казны»; участь последних обещала быть очень печальной. Протоколы всех допросов, а также подробнейшим образом составленную отчетность (счетные выписки от всех бурмистров и сборщиков, отчетные ведомости по особым сборам, ведомости по откупам и подрядам с указанием отпускных и покупных цен и сумм недоимок) и прихода-расходные книги за 1720 г. следовало выслать в Камер-коллегию в сопровождении лиц, причастных к их составлению («для свидетельства и ответу по одному человеку»). Одновременно указ подтверждал и прежнее требование: сбор и ревизию бухгалтерской документации за годы, предшествовавшие последнему отчетному (1720). При этом вице-губернатор и воеводы должны были приложить к этим материалам письменные объяснения причин несвоевременной их подачи. Выполнение следственных мероприятий по Сибирской губернии указ возлагал на И.С. Арсеньева¹⁶. Последний принялся за новое поручение незамедлительно, о чем, в частности, можно заключить из его переписки с В.Н. Татищевым. Письмом от 13 августа 1721 г.¹⁷ гвардеец известил начальника горного ведомства о своих полномочиях, основанных на именном и «многих присланных из государ-

ственной Камор-каллегии» указах, а также подробно уведомил его о своих новых задачах, сославшись на вышеупомянутый коллежский указ от 24 июня. Конкретно от Татищева требовалось передать в ведение Вятской камерирской конторы «без всяких отговорок» кунгурского старого подьячего Е. Костромина: «читать всех прошлых лет с определения губерней кунгурских земских старост и протчих всяких сборов сборщиков и винокуренных приставников». Кроме того, сам Костромин «был у приходу и росходу денежной казны и не сочтен» – таким образом и подьячему следовало дать ответ за собственную фискальную деятельность прежних лет¹⁸. В.Н. Татищеву, испытывавшему острую нехватку квалифицированных приказных, было крайне досадно отпускать столь опытного канцеляриста как Костромина, многие годы специализировавшегося на ведении бухгалтерии. Надо заметить, что он долгое время буквально насильно удерживал его в своем распоряжении, игнорируя протесты кунгурских уездных и вятских провинциальных властей¹⁹. Но прекословить чрезвычайному уполномоченному Арсеньеву капитан не решился и после некоторой переписки и снятия с Е. Костромина допроса о его счетной деятельности в Кунгурской канцелярии в 1716–1718 гг. вынужден был отпустить его к ревизии²⁰.

Между тем продолжалась работа по Тюмени. В свете новых полномочий Арсеньев, поощренный к тому времени производством в л.-гв. подпоручики, то непосредственно своими приказами, то посредством губернского начальства развернул в этом зауральском уезде бурную деятельность. В августе 1722 г. он поручил тобольскому дворянину Л. Осипову провести розыск над тюменскими земскими комиссарами А. Макаровым и Ф. Маркеевым, которые уже попадали в поле зрения ревизора и допрашивались им еще в декабре 1721 г.²¹ Вероятно, первая встреча с И.С. Арсеньевым не вразумила комиссаров, поскольку на сей раз Осипову поручалось арестовать этих чиновников, наложить цепи и взяв на них показания фискалов, вновь допросить и потребовать выполнения служебных обязанностей. Под розыск попал и новый тюменский воевода полковник А.Д. Исупов, подобно своему предшественнику Неведеву посаженный под дисциплинарный арест в канцелярии. Задание, данное И.С. Арсеньевым Л. Осипову, излагалось в специальной инструкции, в которой, помимо прочего, пояснялось, что все необходимые к проведению следственных мероприятий материалы (бумагу, свечи, чернила и проч.), писарей и солдат последнему обязана была предоставить

местная воеводская канцелярия – примечательный штрих, который показывает, что ресурсное обеспечение арсеньевской деятельности как во всех подобных случаях возлагалось на местные власти. Оперативную отчетность по розыску Л. Осипов должен был отправлять в Тобольск; в случае недобросовестного выполнения задания самому Осипову грозила конфискация имущества и ссылка в каторжные работы²². Судя по дальнейшему, подпоручику удалось добиться результатов и в Тюмени, а система управления Тюменским дистриктом подверглась реорганизации: 25 июля 1723 г. указом Тобольской земской камерирской конторы земские комиссары А. Макаров и Е. Милкеев «за многие нерадения» были разжалованы в подчиненные комиссары. Видимо, лишился своего поста и третий комиссар – Ф. Маркеев, упомянутый в инструкции Л. Осипову. С прежних комиссаров было велено править недоимки, а на их место «до указа» назначался казачий полковник Д. Угрюмов (Угримов), ставший впоследствии и тюменским воеводой²³.

* * *

Дата окончания миссии И.С. Арсеньева пока точно не установлена. На сегодняшний день можно предположить, что это произошло не ранее лета-осени 1723 г. и едва ли позднее 1724 г. Выявленный круг источников показывает, что гвардеец справился с возложенной на него задачей. Впрочем, в контексте настоящей статьи важнее другое: дать ответ на вопрос чем была эта чрезвычайная миссия с точки зрения классификации административных структур петровской эпохи?

Исходный смысл направления Арсеньева в Сибирь представляется совершенно ясным. Узкая отраслевая направленность его деятельности; четко сформулированная и ограниченная задача – сбор неполученной финансовыми коллегиями отчетности по состоянию губернского хозяйства; полномочия, сводившиеся к держанию под дисциплинарным арестом руководителей губернии и их подчиненных до исполнения ими нужных делопроизводственных процедур; наконец, невысокое звание гвардейца²⁴ – все это указывает на то, что перед нами ни кто иной, как очередной понудитель, лицо, выполнявшее контрольные функции. К слову сказать, почти одновременно с Арсеньевым и в одном с ним регионе начали действовать еще несколько понудителей, которые, в рамках комиссии генерал-ревизора Сената В.Н. Зотова, контролировали подачу «сказок» и сводных ведомостей о душах мужского пола: в Вятской про-

винции – солдат л.-гв. Преображенского полка П. Жулебин, а в Тобольской – солдат л.-гв. Семеновского полка С. Островский²⁵. Их распоряжения ничем не отличались от первоначальных распоряжений прапорщика: те же настойчивые требования подачи необходимой информации, те же дисциплинарные аресты должностных лиц, с той только разницей, что С. Островский реализовывал свои чрезвычайные права грубо, провоцируя конфликты с руководящим составом губернии, в то время как И. Арсеньев, как отмечалось выше, был в этом отношении непреклонен, но корректен. Однако в дальнейшем компетенция Арсеньева явно расширилась: с 1721 г. на основании камер-коллежских указов ему придаются ревизионные и следственные функции при сохранении права применения «понудительских» санкций, данных изначально именным указом. При гвардейском прапорщике складывается своеобразный штат исполнителей из служилых людей, солдат и подьячих, «прикомандированных» из местного контингента Тобольска, Вятки и Тюмени; как можно понять из инструкции, данной тобольскому дворянину Л. Осипову, он мог подвергать этих людей уголовному преследованию в случае недобросовестного выполнения ими возложенных на них поручений. Обращает внимание и то обстоятельство, что миссия Арсеньева была масштабней понудительской не только по кругу постепенно сформировавшихся задач, но по территории (по меньшей мере три самые густозаселенные и значительные западные провинции Сибирской губернии) и продолжительности (не менее четырех лет – с лета 1719 по лето 1723 г.). Все сказанное указывает на институциональную трансформацию миссии Арсеньева, которая из понудительской преобразовалась в ревизорскую, в чем-то приблизившись к комиссиям ревизионного и следственного назначения (по классификации М.В. Бабич)²⁶. Иными словами, с 1721 по 1723 г. И.С. Арсеньев представлял собою (вместе с приданным им аппаратом) в административном отношении нечто среднее между понудителем и ревизором-следователем, а его ведомство может быть охарактеризовано как чрезвычайная контрольно-ревизионная комиссия внутриведомственного типа.

Не будет, наверное, ошибочным предположить, что указанное преобразование конкретной понудительской службы в некое новое качество явилось следствием экспромта, столь свойственного нестабильному, переходному времени петровского правления, полного возникновений новых административных форм под влиянием текущих потребностей

момента. Но это преобразование оказалось весьма продуктивным, слишком, на мой взгляд, продуктивным, чтобы остаться единичным. Думаю, что дальнейшие изыскания по другим регионам России этого периода могут выявить какие-то феномены, аналогичные арсеньевскому. В самом деле, чрезвычайное учреждение внутриведомственного контроля и учета сочетало в себе наиболее эффективные, с точки зрения власти, черты организации и воздействия, свойственные как понудителям, так и чрезвычайным канцеляриям-комиссиям. От первых оно оставило возможность немедленного, неотвратимого и жесткого влияния на местные администрации – гораздо более продуктивного по своим последствиям, чем практика бесконечных угроз через «подтвердительные» указы или многолетние следственные процедуры межведомственных «розыскных» канцелярий. От вторых оно приобрело простоту материального и организационного обеспечения, полностью возложенного на подконтрольные и ревизуемые местные учреждения, оперативную мобильность. Одновременно, нельзя не обратить внимание и на то, что ревизия, подобная арсеньевской, охватывала своей компетенцией относительно компактный по территории и сфере ведения объект (в данном случае – губернию или ее часть, проверяемую с точки зрения функционирования податной деятельности), что само по себе внушало надежду на конечный успех предприятия, в отличие от смутных перспектив удачного завершения всякого рода «генеральных» ревизий, типа той, что была возложена, например, на обер-комиссара кн. М.И. Вадбольского в 1712 г.²⁷ Наконец, надо отметить еще один важный момент. Общая ситуация конца 1710-х – начала 1720-х гг. как никогда ранее потребовала подобного оперативного и действенного вмешательства в течение реформ на местах. С одной стороны, верховной власти и в первую очередь – императору стала очевидной слабость и некомпетентность областного аппарата, деятельность которого можно было активно стимулировать, как казалось, только жесткими административными мерами. С другой стороны, податное население, замученное бесконечными нововведениями и разгулом должностных злоупотреблений, напряженно ожидала царского вмешательства и облегчения собственной участи. Фигура ревизора, чрезвычайного царского посланника с широкими полномочиями уличать и наказывать недобросовестных местных чиновников, оказалась, таким образом, одинаково, хотя и по разным причинам, востребована и властью, и народом²⁸.

Оценивая эффективность понудительского контроля, Д.О. Серов признал, что при всей затруднительности однозначного ответа, она в значительной мере была высока. Вместе с тем им справедливо была отмечена «ненормальность» понудительства как с точки зрения «самой стратегии государственных преобразований Петра I»; нацеленной на создание стройной системы соподчиненных и взаимодействующих органов власти, так и с точки зрения соблюдения элементарной субординации: «низшие чины (пусть и гвардии) брали под жесткий контроль в том числе и первых лиц местных учреждений, большинство из которых состояло в штаб-офицерских чинах»²⁹. Пример деятельности ревизора И.С. Арсеньева показывает, на мой взгляд, какой потенциал развития существовал у понудительского контроля и каков был вектор этого развития. Не отрицая мнения Д.О. Серова, предположившего, что данный институт «стал одним из провозвестников утверждения на отечественной почве прокурорского надзора»³⁰, я полагаю, что у него были более «прямые преемники» – сенатские комиссии по ревизии губерний. Примечательным, хотя, возможно, случайным оказалось то, что решение о ревизовании губерний сенаторами было принято в 1722 г.³¹ – на следующий год после придания Арсеньеву ревизорских функций. Первой практической реализацией сенатского решения 1722 г. можно считать комиссию гр. А.А. Матвеева, ревизовавшего в 1726 г. Московскую губернию³². Губернский масштаб ревизии, круг компетенции, ее финансовый «уклон», возможность прямого административного воздействия на губернских чиновников – все это как будто сродни тому, что было присуще ревизии И.С. Арсеньева. Но несравнимо более высокий служебный ранг ревизора и обусловленная этим общая «респектабельность» самого учреждения выгодно отличают его от арсеньевского, несшего на себе отпечаток понудительского. Не исключено, что недолго просуществовавшее понудительство, через переходные формы вроде арсеньевской ревизии, стало своеобразным провозвестником не только прокурорской службы, но и сенатских ревизий XVIII–XIX вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Бабич М.В.* Государственные учреждения XVIII в.: Комиссии петровского времени. М., 2003. С. 153.

² *Богословский М.М.* Областная реформа Петра Великого: Провинция 1719–1727 гг. М., 1902. С. 313–321; *Анисимов Е.В.* Податная реформа Петра I: Введение подушной подати в России. 1719–1728 гг. Л., 1984. С. 66–67; *Смирнов Ю.Н.* Роль гвардии в укреплении органов власти российского абсолютизма в первой половине XVIII в. // Правительственная политика и классовая борьба в России в период абсолютизма: Межвузовский сборник. Куйбышев, 1989. С. 26–27. Единственной специальной работой о понудителях является небольшая, но очень емкая и важная статья Д.О. Серова: *Серов Д.О.* Понудители (Из истории чрезвычайного контроля в России первой четверти XVIII в.) // «Мы были!» Генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс и его эпоха: Материалы Всероссийской научной конференции (12–14 мая 2004 г.). СПб., 2004. Ч. II. С. 74–76. Мимоходом этой темы в контексте административной истории Урала касался и автор этих строк: *Редин Д.А.* Административные структуры бюрократия Урала эпохи петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург, 2007. С. 174–175, 245–248.

³ *Бабич М.В.* Указ. соч. С. 147–163.

⁴ *Серов Д.О.* Указ. соч. С. 74.

⁵ Т.е. сбора приходо-расходных книг за 1716–1718 гг.

⁶ Цит. по копии, полученной из Тобольской губернской канцелярии в Тюменской воеводской канцелярии: ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 4821. Л. 3–3 об.

⁷ РГАДА. Ф. 1113. Оп. 1. Д. 29. Л. 227–227 об.

⁸ Там же. Ф. 248. Кн. 155. Л. 826–826 об.

⁹ Там же. Л. 628.

¹⁰ Там же. Ф. 1113. Оп. 1. Д. 29. Л. 416.

¹¹ *Акишин М.О.* Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. М.; Новосибирск, 2003. С. 118; *Редин Д.А.* Административные структуры и бюрократия Урала... С. 414, 476.

¹² РГАДА. Ф. 248. Кн. 155. Л. 827–828, 831–831 об., 832–835, 840–842. Запутанная история с назначением С.П. Карпова воеводой в Севск и последующие перипетии этого чиновника после 1720 г. см.: *Редин Д.А.* Указ. соч. С. 244–251.

¹³ Эти и аналогичные обращения И.С. Арсеньева к руководителям административных образований края я называю письмами, поскольку данные документы не имеют видового делопроизводственного самоназвания. По своей стилистике и общему содержанию их можно было бы назвать «ордерами», поскольку они содержат довольно жесткие административные предписания адресатам. В то же время, при всей своей решимости и деловитости и полном осознании полномочий, И.С. Арсеньев держался достаточно корректно по отношению к чиновникам, в большинстве своем бывшим старше его если не по статусу, то по воинскому званию, предпочитая начинать обращение к ним нейтрально: «благородный господин имярек».

¹⁴ ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 4822. Л. 2–3 об.

¹⁵ Надо полагать, что и в Тюмень он попал не позднее первой декады сентября.

¹⁶ ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 4914. Л. 23–23 об.

¹⁷ Дата письма И.С. Арсеньева В.Н. Тагишеву указывает, между прочим, на то, что не позднее 22 июля 1721 г. прапорщик находился уже не в Тобольске, а в Хлынове. В противном случае он не смог бы ознакомиться с текстом камер-коллежского указа от 24 июня, поступившего в Тобольск (как уже отмечалось) только в начале сентября. На хлыновское местопребывание царского эmissара указывает и сам текст цитируемого письма, в котором упомянуто, что написать его побудило письменное обращение к Арсеньеву вятского провинциального воеводы В.И. Чаадаева и камерира И. Озерова от 12 августа. Совершенно очевидно, что последнее было прочитано Арсеньевым в тот же день – иначе он не смог бы упомянуть его в своем письме от 13 августа.

¹⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 9. Л. 350–351.

¹⁹ Подробно распрее В.Н. Тагишева с администрациями общего управления по поводу Е. Костромина см.: *Редин Д.А.* Указ. соч. С. 268–269; 480–482.

²⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 9. Л. 368–369.

²¹ ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 3396. Л. 11.

²² Там же. Л. 11–11 об., 14.

²³ Там же. Л. 24–24 об. Особенности организации Тюменского дистрикта и структуры его управления подробно описаны в монографии: *Редин Д.А.* Указ. соч. С. 324–330. В то же время с сожалением вынужден признать, что в указанном исследовании мною была неверно реконструирована последовательность преследования тюменских земских комиссаров: события 1723 г., связанные с их отставкой я первоначально посчитал произошедшими до розыска, проведенного Л. Осиповым по инструкции И.С. Арсеньева. См.: *Редин Д.А.* Указ. соч. С. 327–328. Меня отчасти может извинить лишь то, что этот совершенно новый материал приходилось восстанавливать по источникам, часть которых не имеет точной датировки (ее пришлось устанавливать по общему контексту и общему документальному сопровождению дела); кроме того, и вся дальнейшая административная ситуация в Тюмени в 1724–1727 гг., в том числе связанная со сменой воевод, тоже пока еще не выявляется однозначно и требует привлечения дополнительных источников: *Редин Д.А.* Указ. соч. С. 330.

²⁴ Прапорщик, или фендрик (как, кстати, именовал И.С. Арсеньев в одном из доношений в Сенат сибирский вице-губернатор А.К. Петрово-Солового) – низшее звание в гвардии по Табели о рангах редакции 24 января 1722 г., предшествовавшее званию унтер-лейтенанта, или подпоручика – первого гвардейского офицерского ранга. Правда, в сравнении с армейскими чинами гвардейский фендрик соответствовал подпоручику (лейтенанту) в армии. См.: Российское законодательство X–XX веков / Под общей ред. О.И. Чистякова. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / Отв. ред. А.Г. Маньков. М., 1986. С. 60.

²⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 155. Л. 719, 728–728 об., 738, 770–770 об., 774–775, 780–781; Ф. 1113. Оп. 1. Д. 29. Л. 730 об.–731 об.

²⁶ Характеристику двух этих, во многом близких друг другу, категорий комиссий см.: *Бабич М.В.* Указ. соч. С. 91–109.

²⁷ Подробнее о попытках центральных властей организовать финансовые ревизии губернского хозяйства в 1711–1714 гг. см., например: *Петровский С.А.* О Сенате в царствование Петра Великого. М., 1875. С. 278–280; *Мрочек-Дроздовский П.Н.* Областное управление России XVIII века до Учреждения о губерниях 7 ноября 1775 года. Историко-юридическое исследование эпохи первого учреждения губерний (1708–1719 гг.). М., 1876. С. 345; *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1892. С. 307–311; *Бабич М.В.* Указ. соч. С. 98–100, 197–198.

²⁸ Достаточно, в этой связи, вспомнить, какие надежды возлагал реформатор на фискалов или на чрезвычайных уполномоченных вроде генерала В. де Геннина, чья деятельность должна была отрегулировать работу целых отраслей государственного хозяйства. В то же время следует вспомнить, что и само тяглое население на первых порах с немалым воодушевлением восприняло их появление, полагая, что именно подобные царские доверенные лица способны удовлетворить всем народным чаяниям. Прагматические потребности верховной власти невольно наложились на пресловутые наивно-монархические иллюзии народа и стимулировали их. Подробнее об этом см., например: *Серов Д.О.* Прокуратура Петра I (1722–1725 гг.): Историко-правовой очерк. Новосибирск, 2002. С. 15–17; *Редин Д.А.* Указ. соч. С. 289, 553–554.

²⁹ *Серов Д.О.* Понудители (Из истории чрезвычайного контроля в России первой четверти XVIII в.). С. 75.

³⁰ Там же.

³¹ Определение Сената от 4 апреля 1722 г., в частности, гласило: «...По особому предложению и разсуждению Его ж величество указал учинить <...> 5. Для осмотра всяких дел в губерниях и провинциях, чтоб во всяких делах была правда, посылать на каждой год из сенатских членов по одному да при нем из каждой коллегии по одному ж человеку. И как им о том поступать, дать инструкцию». – Законодательные акты Петра I / Сост. Н.А. Воскресенский. М.; Л., 1945. Т. 1. С. 101.

³² История ревизии А.А. Матвеева толком не изучена. Единственное исследование о ней – статья В.Н. Бочкарева: *Бочкарев В.Н.* Первая сенаторская ревизия в России: историческая справка // Сборник Ярославского государственного университета. Ярославль, 1923. Вып. 2. С. 40 – 56. Искренне благодарен Д.О. Серову, указавшему мне на материалы, связанные с ревизией Матвеева и побудившего к размышлению о возможной институциональной близости арсеньевского и матвеевского ведомств.